

УДК 911.3:301

НЕГАТИВНЫЕ СОЦИАЛЬНЫЕ ДЕВИАЦИИ: ЭКОНОМИКО-ГЕОГРАФИЧЕСКИЙ ПОДХОД К АНАЛИЗУ ПРОБЛЕМЫ

© 2017 г. Елена Е. Демидова

*Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова,
географический факультет, Москва, Россия*

e-mail: geoscandi@mail.ru

Поступила в редакцию 25.11.2016 г.

Аннотация. Социальные девиации (как негативные, так и позитивные) являются важными проблемно-страноведческими характеристиками общественного пространства, отражающими особенности социального, экономического, политического, культурного развития стран и регионов мира. В ряду социально-географических наук автором предлагается выделить геодевииантологию (географию общественных девиаций) как научное направление, изучающее особенности распространения и территориальной структуры девиаций, а также их взаимосвязи с социально-экономическими условиями. Особое внимание уделяется наиболее разработанной, с научной точки зрения, геодевииантологической субдисциплине — географии преступности (геокриминологии). В качестве примера изучения негативных девиаций с позиций социально-экономической географии рассматривается география умышленных убийств. Выявлены регионы и ареалы, характеризующиеся наибольшим (Карибский, Южно-американский, Восточно-африканский) и наименьшим (Западно-европейский, Северо-американский, Северо-африканский, Восточно-азиатский и Тихоокеанский ареалы) уровнем умышленных убийств. Проводится анализ статистической взаимосвязи распространения убийств с уровнем экономического развития стран. Делается вывод о нелинейном характере влияния фактора экономического благосостояния стран на особенности распространения тяжелых видов насильственной преступности.

Ключевые слова: общественная география, социальные девиации, география общественных девиаций, геодевииантология, негативные девиации, география преступности, уровень умышленных убийств, имущественное расслоение общества, социальное неравенство, страны мира, макрорегионы мира.

DOI: 10.7868/S0373244417050036

NEGATIVE SOCIAL DEVIATIONS: ECONOMIC-GEOGRAPHICAL APPROACH TO THE ANALYSIS OF PROBLEM

Elena E. Demidova

Faculty of Geography, Moscow State University, Moscow, Russia

e-mail: geoscandi@mail.ru

Received November 25, 2016

Abstract. Social deviance (negative and positive) is a very important cross-national distinctive characteristic of social space that reflects features of social, economic, political and cultural development of countries and regions of the world. Among human geographical disciplines the author proposes to allocate geography of social deviance (geodeviantology) as scientific area that studies specifics of regional expansion and territorial structure of deviance as well as their relationship with socioeconomic conditions. Special attention is paid to the most developed subdiscipline with a scientific point of view — geography of crime (geocriminology). A case study of negative deviance in terms of socioeconomic geography is the geography of felonious homicides. Areas of the highest (Caribbean, South American, and East African) and lowest (West European, North American, North African, East Asian, and Pacific) levels of homicide are identified. The analysis of statistical correlation of the distribution of homicides and the level of economic development of countries is conducted. The conclusion is made about the nonlinear nature of impact of the factor of economic welfare of countries on distribution features of heavy types of violent crime.

Keywords: human geography, social deviance, geography of deviance, geodeviantology, negative social deviance, geography of crime, level of homicides, income stratification of society, social inequality, countries of the world, macroregions of the world.

Социальная география, находясь на стыке общественных и географических наук, все чаще исходит из понимания мира (и всей его сложной системы взаимосвязанных и взаимодействующих объектов и процессов) через призму человеческого сознания. Здесь социогеография Новейшего времени развивается однонаправленно не только с другими общественными науками (в частности, социологией), но и с философией, главной особенностью которой в XX в. стал онтологический поворот к человеку: от человеческого — к миру, как он видится человеком и “выстраивается” вокруг него. Широчайший спектр социальных, экономических, политических и культурных условий человеческой жизнедеятельности существует лишь применительно к социуму (обществу), преломляясь при этом через индивидуальные грани отдельных личностей. И данное “преломление” может идти как по пути принятия предложенных социумом условий, так и в виде актов несогласия. Форм подобных протестных отклонений (иными словами — девиаций) — великое множество: с разной степенью выраженности для окружающих (явных или латентных), ведущих как к негативным, так и позитивным последствиям. Но крайне важным является то, что именно в них, как в зеркале, отражаются те самые условия, которые их предопределяют; именно эти формы отношений становятся индикаторами состояния общества, выступая важной проблемно-страноведческой характеристикой общественного пространства.

Основные понятия. Научное понятие “социальная девиация” может быть определено как с позиции индивидуума¹, так и с позиции социума. Во втором случае совокупность однотипных девиаций, характеризующихся устойчивостью во времени и в пространстве и имеющих социальную значимость, образует сложный социальный феномен — *девиантность* (по аналогии с терминами “рождаемость”, “фертильность”, “преступность” и т.д.). Таким образом, “девиантность — это сложное *социальное явление*, выражающееся в относительно устойчивых формах (видах) человеческой деятельности, не соответствующих официально установленным или же фактически сложившимся в данном обществе нормам и ожиданиям” [3, с. 23].

Наиболее важным понятием в вопросе сущности девиаций и девиантности является понятие нормы, так как именно от нормы происходит

соответствующее отклонение. Несмотря на неоднозначность подходов к определению нормы, в большинстве случаев как в естественных, так и общественных науках под нормой понимаются некие пределы допустимого, “...границы, в которых вещи, явления, природные и общественные системы, виды человеческой деятельности и общения сохраняют свои качества, функции, формы воспроизводства” [12, с. 278]. Но в отличие от естественных норм, одной из самых главных характеристик нормы общественной жизни является ее релятивность. Здесь норма выступает крайне мобильной субстанцией, изменяющейся как во времени, так и в пространстве² [4]. Социальная норма выражает исторически сложившиеся в конкретном обществе к определенному моменту пределы, интервал допустимого (дозволенного или обязательного) поведения индивидов или социальных групп.

Восприятие социальной нормы как некоего “среднего состояния” подводит к важному моменту в понимании социальных отклонений, а именно, их двуполярности, двунаправленности: возможности отклонений как в негативную, так и в позитивную сторону. Таким образом, множество девиаций первоначально может быть разделено на *негативные и позитивные отклонения*. Как зарубежными, так и отечественными девиантологами признается факт колоссальной диспропорции в степени изученности негативных и позитивных девиаций. Возможно, это объясняется социальной опасностью негативных отклонений (прежде всего, преступности) и острой необходимостью решения проблем, связанных с ними со стороны общества.

Негативные девиации имеют в подавляющем большинстве случаев дисфункциональный характер и дезорганизуют социум, в котором существуют [4]. К наиболее распространенным³ видам негативных девиаций относятся: терроризм;

¹ В этом случае необходимо отличать девиантное поведение человека как совокупность его решений и поступков от возможного (но вовсе не обязательного) особого физиологического состояния (психического расстройства или психического заболевания).

² Например, обычай суицида стариков, избавлявшего род от забот о дряхлеющей старости, в древних скандинавских и германских племенах сменился общественным неприятием суицидальных актов: самоубийство в странах западного цивилизационного типа в настоящее время в большинстве случаев является “отклонением” от нормы. В некоторых азиатских странах (например, в Китае, Индии, Японии) самоубийство относилось, а в особо традиционных обществах продолжает относиться к числу санкционированных обычаев (например, хакири (сэппуку) в Японии, ритуальное самоубийство вдов в Китае и Индии и др.).

³ Многими социологами к социальным девиациям относятся отклонения сексуального характера (гомосексуализм, педофилия и проч.). С авторской точки зрения, данные явления обусловлены, преимущественно, физиологическими и психологическими личностными

преступность, включая преступления против личности (преднамеренное убийство, нанесение телесных повреждений, торговля людьми, человеческими органами, похищение людей, захват заложников), общественного порядка, чести и достоинства граждан, имущественные преступления (кражи, разбои, грабежи), экологические преступления [7]; коррупция; суицид (самоубийство); социальные аддикции⁴ (наркомания, алкоголизм, игромания (гемблинг)) и т.д.⁵ Отдельного упоминания требует такой тип социальной девиации как организованная преступность, которая включает в себя целый комплекс девиантных проявлений.

Изучение девиантности. География общественных девиаций. Наука, занимающаяся изучением девиаций и социальной регуляцией поведения людей и поддержания общественного порядка (так называемого социального контроля), в западной социологической науке получила название “социология девиантности и социального контроля” (sociology of deviance and social control). Ее зарождение произошло в правовой среде: основы социологии девиантности были заложены в рамках классической школы уголовного права и криминологии Западной Европы еще в XVIII в.⁶ Основоположником же собственно социологии девиантности как научного течения принято считать французского социолога и философа Э. Дюркгейма. В своих работах [6] он отмечал закономерность девиантности, выполнение девиациями определенных социальных функций и — главное — *невозможность существования общества без отклонений (включая преступность)*.

Развитие отечественной социологии девиантности по историческим причинам было сопряжено со значительными трудностями. Показательно, что в трудах отечественных социологов

еще начала XX в. (К.Ф. Германа, П.А. Сорокина и др.) содержалось немало идей и результатов исследований, посвященных проблемам социальных девиаций, однако осознание девиантности как предмета специальной отрасли социологических знаний пришло значительно позже [2, 3]. В 1970-е годы в Ленинграде появились первые работы по проблемам “отклоняющегося” поведения. Автор данных работ — Я.И. Гилинский — стал впоследствии основоположником ленинградской научной школы социологии девиантности. Им же для обозначения науки, изучающей социальные девиации (девиантность) и реакцию общества на них (социальный контроль), был предложен термин — “девиантология” [3, с. 35]. Гилинский отмечает, что девиантология, являясь отраслью социологии, в свою очередь, является метатеорией по отношению к наукам, изучающим отдельные проявления девиантности: криминологии (науке о преступности), суицидологии (науке о самоубийствах и суицидальном поведении), аддиктологии (науке об аддикциях — алкогольной, наркотической, игровой, компьютерной и прочих), социологии различных видов творчества⁷ и др.

Не вызывает сомнения тот факт, что распространение любой из форм девиаций территориально дифференцировано. Интенсивность социальных отклонений значительно меняется от места к месту на всех иерархических уровнях: по крупным регионам мира, отдельным странам и их группам, областям внутри страны, населенным пунктам, кварталам внутри населенных пунктов и т.д. При этом пространственные различия качественных и количественных характеристик девиаций в той или иной степени определяются комплексом социальных, экономических, культурных, политических и других условий, характерных для рассматриваемых территорий. На этом основании предлагается выделять *географию общественных девиаций (геодевиантологию)* — научное направление социально-экономической географии, изучающее особенности распространения и территориальной структуры общественных девиаций, а также их взаимосвязи с социально-экономическими, политическими, культурными и другими условиями. При этом география общественных девиаций становится более общей дисциплиной (метадисциплиной) по отношению к таким подотраслям географических знаний как география

особенностями, и, таким образом, не имеют отношения к рассматриваемой проблематике.

⁴ Аддикция — англ. “привязанность”, “зависимость”. В широком смысле понимается как ощущаемая человеком навязчивая потребность в определенной деятельности.

⁵ К числу безусловных девиаций может быть отнесено и явление геноцида, однако, не имея широкого распространения, этот тип девиаций в данный список не вошел. Также, при всей девиантной природе военных действий как таковых, данное явление носит явно выраженное политическое предопределение и, как следствие, не входит в рамки проводимого исследования.

⁶ В частности, итальянским правоведом и мыслителем Ч. Беккариа (1738–1794) в работе “О преступлениях и наказаниях” (1764), и позже продолжены английским социофилософом, правоведом И. Бентамом (1748–1832) в работах “Теория наказаний и наград” (1811), “Деонтология, или “Наука о морали” (1834).

⁷ По мнению Я.И. Гилинского, обоснование социологии творчества как направления девиантологии связано с признанием позитивных девиаций, наряду с негативными.

преступности, география коррупции, география суицида, география наркоторговли и других узкотематических направлений.

География преступности (геокриминология). Точно так же как наиболее разработанной научной дисциплиной в социологии девиантности является криминология (социология преступности), наиболее развитым направлением географии общественных девиаций является география преступности (геокриминология).

Первые зарубежные работы по геокриминологии в виде картирования и социально-экономического анализа статистических данных преступлений во Франции относятся к 1830-м годам. [5, 15]. Важной вехой в развитии географии преступности стали исследования Чикагской школы экологии преступности (1920–1930-е годы), направленные на выявление влияния городской среды (на примере г. Чикаго) на уровень и структуру девиантности. Позднее были разработаны и введены понятия “география преступности” (как направление криминологических исследований, занимающееся проблемами пространственно-временного распределения преступности), “экология преступности” (как среда совершения преступления), “топография преступности” (как особенности места преступления) [2]. В 2000 г. термин “география преступности” вошел в англоязычный “Словарь общественной географии”. Под данным термином предлагалось понимать “географическую дисциплину, изучающую особенности пространственного распространения преступлений”, основной задачей которой является “объяснение территориальной концентрации различных видов преступлений; анализ взаимовлияния среды и преступности; оценка возможностей снижения уровня преступности” [14, с. 120].

Отечественная школа географии преступности на начальном этапе развивалась параллельно (даже с некоторым опережением) западноевропейским научным трендам. С середины XIX в. складывается Санкт-Петербургская школа изучения девиантных явлений (преступности, суицида) благодаря работам петербургских исследователей (прежде всего, К.Ф. Германа, а впоследствии М.Н. Гернета, Д.А. Дриля, А.А. Герцензона, А.А. Жижиленко и др.) [2, 3]. Период 1920–1960-х годов (“время социологического безмолвия”) откинул далеко назад развитие криминологической и вместе с ней геокриминологической научной мысли. Первые работы по криминологии, включающие и геокриминологические исследования, появились в Ленинграде (Санкт-Петербурге) и в Эстонской ССР (Эстонии) только лишь в 1970–1980-е годы

и связаны с именами их авторов: Я.И. Гилинского, Ю.Д. Блувштейна, Э.Э. Раски и др. По мнению ряда специалистов, в 1980-х годах произошел переход от исследований отдельных экономических и социально-демографических факторов к комплексным исследованиям всего причинного механизма преступности. Впоследствии в работах криминологов В.В. Лунеева, К.Т. Ростова, С.А. Шоткинова неоднократно рассматривалась проблематика географического подхода в процессе изучения преступности.

Первой работой, написанной с позиций социально-экономической географии, стало исследование преступности в Грузинской ССР, проведенное А.А. Габиани и Р.Г. Гачечиладзе в 1982 г.⁸ В продолжении региональной тематики в 1984–1985 гг. в Башкирии, Туве, Курской, Ленинградской, Московской, Ростовской и Свердловской областях было проведено крупнейшее в истории СССР криминологическое исследование территориальных различий преступности. Ученые пришли к выводу об обязательности использования регионального подхода в социальном и криминологическом исследовании преступности, которое заключается в необходимости учета влияния территориальных экономических, социальных, политических и организационно-правовых факторов [11, 13]. Новый виток развития отечественной геокриминологии начался в конце 2000-х годов с появлением работ исследователей-географов, посвященных рассмотрению территориальных особенностей распространения преступности в России и отдельных ее регионах [2, 8]. Наибольший вклад внес социогеограф А.Д. Бадов, предложивший концепцию так называемых геокриминальных зон, введя и развивая понятия “геокриминогенное положение”, “криминальная безопасность регионов” с целью оценки влияния географических факторов на криминальную ситуацию. Также в работе представлено определение **географии преступности** как науки, изучающей территориальную дифференциацию преступности и взаимосвязи между географическими условиями и ее уровнем (характером) в пределах территориальных систем различного таксономического ранга⁹ [2].

География убийств. Сведения о степени распространения тех или иных видов преступности,

⁸ “Некоторые вопросы географии преступности (по материалам Грузинской ССР)”, под грифом “Совершенно секретно”.

⁹ Данное определение во многом перекликается с определением, предложенным британскими исследователями в 1980–2000-е годы и используемым в настоящее время за рубежом.

в отличие от большинства других общественных девиаций, могут быть получены из обширных данных официальной криминальной статистики. Однако использование криминальной статистики для исследовательских целей сопряжено с рядом методологических трудностей, к которым относятся высокая латентность преступности; фрагментарный характер учета преступлений; различные подходы учета (по числу заявлений, уголовных дел, вынесенных судом решений); зависимость от эффективности работы правоохранительных органов и др. Комбинация подобных факторов значительно осложняет проведение исследований в области географии преступности, особенно при межстрановых и межрегиональных сравнениях [4]. В этой ситуации целесообразно проводить исследования тех видов преступности, в отношении которых методологические погрешности могут быть минимизированы — в частности, тяжких преступлений против личности (убийств).

По данным историков, систематический учет числа совершенных убийств начался лишь в XVI в. и проводился в крупнейших городах ряда западноевропейских стран. Количественная оценка уровня убийств, как правило, происходила с двух позиций: абсолютной [общего числа насильственных смертей за определенный период (чаще всего — за год)] и относительной [рассчитывается условный коэффициент убийств как число убийств, приходящихся на определенное число жителей (в большинстве случаев, на 100 тыс. человек)]. Так, в 1550-е — 1570-е годы в столице Голландии Амстердаме совершалось 22–27 убийств на 100 тыс. человек (к началу XVIII в., этот показатель сократился в 10 раз — до 2); в Женеве от 6 до 14 на 100 тыс. человек [18]. Высочайший уровень убийств был характерен для Северной Европы того времени, в частности, Швеции и Финляндии. Так, в Стокгольме в 1575–1600 гг. ежегодно совершалось до 80 убийств на 100 тыс. человек. В древнейшем городе Финляндии — Турку — на рубеже XVII–XVIII вв. на 100 тыс. жителей приходилось около 40 случаев насильственной смерти в результате убийств¹⁰. Справедливости ради надо отметить, что к началу XVIII в. в шведских городах произошло значительное снижение уровня убийств (в среднем, до 20), однако этот показатель продолжал значительно превышать уровень насильственных смертей в странах Центральной и Южной Европы.

С середины XIX в. в ряде западноевропейских стран начинается сбор статистических данных о количестве и уровне убийств по стране в целом или ее крупным регионам. Так, в 1850–1900 гг. уровень убийств (на 100 тыс. жителей) в Германии был одним из самых низких в регионе и составлял менее 1; во Франции (за исключением Корсики) не превышал 1.5, в Англии и Уэльсе — около 1.7, Бельгии и даже “стране страсти” — Италии — не более 5.

В США официальный статистический учет тяжелых насильственных преступлений по стране в целом велся, начиная с XX в.¹¹ Так, в самом начале 1900-х годов уровень убийств в США колебался в пределах 6–8 человек на 100 тыс. жителей, что превышало (а в некоторых случаях — значительно) аналогичные показатели по странам Западной Европы [15, 19].

Двадцатый век в целом и особенно его первая половина (с ее мировыми войнами и геноцидом, повлекшими многомиллионные потери населения вследствие насильственных убийств) с трудом поддается адекватному анализу, с точки зрения реального уровня насильственных смертей. Но основная тенденция оставалась неизменной — каждая страна продолжала вести свою печальную статистику в отношении убийств, а вопрос о глобальном масштабе и особенностях регионально-сопоставимого распространения этого явления оставался открытым.

В начале 2000-х годов Всемирной организацией здравоохранения (ВОЗ), Управлением ООН по наркотикам и преступности (УНП ООН) и другими международными организациями был проведен ряд исследований¹², позволяющих оценить общемировой масштаб насильственных смертей в результате убийств, и собрать данные (хотя все еще и несопоставимые друг с другом) для оценки уровня убийств в некоторых странах мира [4]. Впервые были названы ориентировочные цифры: в мире ежегодно совершается около 500 тыс. насильственных смертей, а уровень убийств составляет около 8 на 100 тыс. жителей Земли. Важные позитивные изменения в оценке масштаба убийств, а главное — географических особенностей их распространения, произошли в 2011 г. в связи с выходом новаторского доклада УНП ООН “Глобальное исследование по проблемам убийств-2011: динамика, обстоятельства, данные”. Основной ценностью данной

¹⁰ В контексте данной статьи под насильственной смертью следует понимать совершенные убийства, исключая иные виды неестественной смертности (суицид, смерть от несчастного случая).

¹¹ До этого учет велся также преимущественно в больших городах [21].

¹² В частности, [23].

работы стала попытка приведения статистических данных по преднамеренным убийствам из национальных и международных источников (в частности, ВОЗ, Евростат) к “единому знаменателю” и создания единой базы данных по количеству и уровню убийств более, чем для 200 стран мира [16].

По данным УНП ООН, в 2010 г. в мире было совершено 468 тыс. убийств, и, таким образом, среднемировой уровень насильственных смертей составил 6–7 убийств на 100 тыс. жителей планеты¹³. По материалам последующего исследования 2013 г., число преднамеренных убийств осталось примерно на том же уровне; точно также как сохранились и региональные особенности распространения данного типа девиантных отношений, что позволяет компилировать данные за 2010–2012 гг. и получить более подробную картину насильственной преступности мира начала 2010-х годов¹⁴[17].

Предположительно, более 2/3 из общего числа преднамеренных убийств (рис. 1) имели место в Латинской Америке и в Африке. Показательно, что в странах Южной Америки, на территории которых проживает около 6% населения земного шара, происходит более 23% всех убийств, совершенных в мире. Аналогичная ситуация прослеживается и в отношении стран Центральной Америки и Карибского региона (при доле населения 3% там совершается более 13% мировых убийств), а также стран Африки (15% и 33% соответственно). При этом вклад азиатских стран в общую “копилку” преднамеренных убийств в мире значительно менее скромный, чем их доля в общем населении Земли. Невысока доля в общем числе насильственных смертей наиболее развитых регионов мира – стран Европы и Северной Америки (особенно на фоне их доли в численности общемирового населения).

О значительной территориальной дифференциации свидетельствует индекс локализации убийств (ИЛУ). Так, в Южной и Центральной Америке уровень насильственной смертности более, чем в 3 раза, превышает среднемировой (ИЛУ 3.2), в Африке – в 2 раза (ИЛУ 1.9) (рис. 2). В странах СНГ уровень убийств находится примерно на среднемировом уровне. В странах Азии, а также Океании и Северной Америки, уровень убийств почти в 2–3 раза ниже среднемирового показателя (ИЛУ 0.3–0.5). Значительно ниже

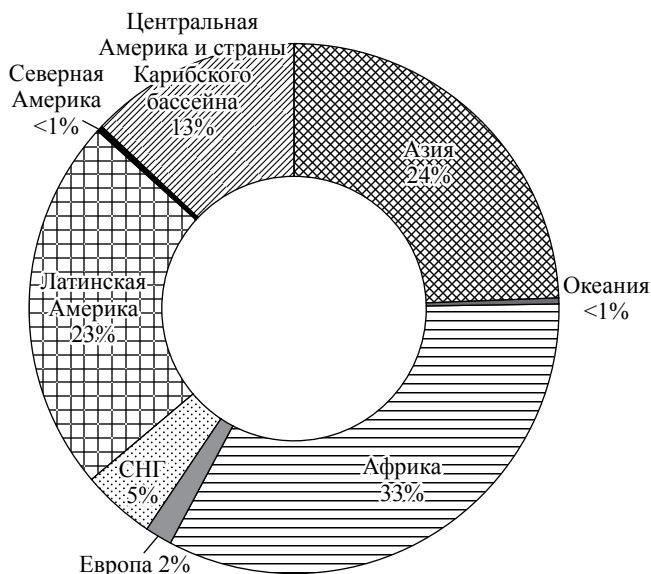

Рис. 1. Макрорегиональное распределение умышленных убийств (2012 г.)

Источник: составлено автором по [17].

общемирового уровня коэффициент убийств в Европе (ИЛУ 0.15).

Таким образом, в общем приближении выделяется триада макрорегионов – Латинская Америка, Африка и Азия, аккумулирующих по 25–30% всех случаев насильственной смерти в мире и составляющих в совокупности 90% всех преднамеренных убийств. Однако “концентрация” убийств в данных регионах крайне неоднородна (максимальна в Латинской Америке, минимальна в Азии). На долю остальных стран (в том числе Европы и Северной Америки) приходится менее 10% совершенных убийств.

Более детальный анализ “географии насильственной смертности” возможен при рассмотрении показателей убийств на уровне отдельных стран.

В десятку лидеров по общему числу убийств ожидаемо входят страны с большой численностью населения (половина стран из этого списка входят в десятку наиболее населенных стран мира) с различным уровнем социально-экономического развития [от страны из числа мировых лидеров (США), «новых индустриальных стран» (Бразилия, Мексика) до одной из наименее развитых стран (ДР Конго)]. За единственным исключением (США), это страны из соответствующих регионов–лидеров по числу преднамеренных убийств. При пересчете числа убийств на 100 тыс. человек на первые места выходят: 1) небольшие по численности населения страны Латинской Америки

¹³ Исходя из численности населения мира в 6916 млн человек в 2010 г.

¹⁴ Здесь и далее вычисления выполнены автором.

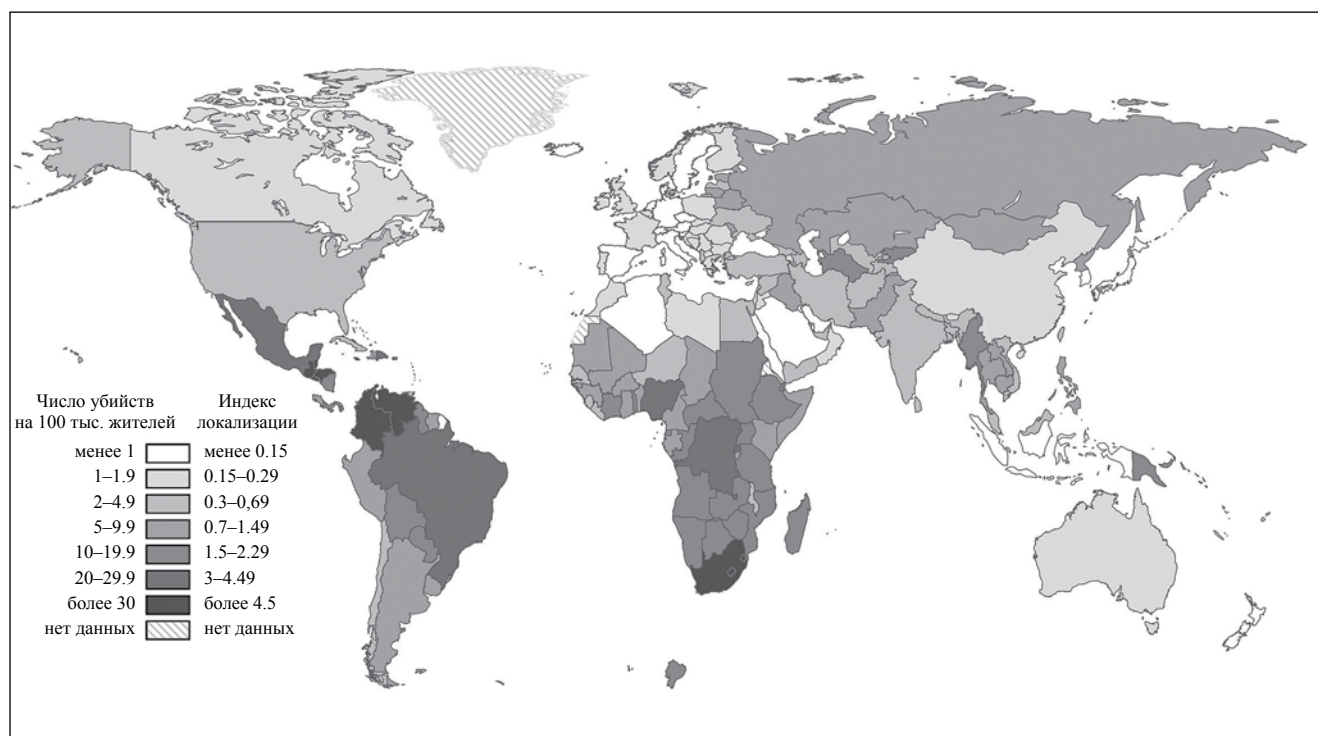

Рис. 2. Уровень умышленных убийств (2010–2012 гг.)
Составлено автором по [16, 17].
Источник: [4].

(Гондурас, Белиз, Сальвадор, Гватемала, Ямайка) и Африки (Свазиленд); 2) страны из тех же регионов с крайне высокими абсолютными показателями насильственной смертности, которые даже при перерасчете на душу населения дают высокие коэффициенты убийств (Венесуэла, ЮАР, Колумбия, ДР Конго). При этом подавляющее большинство стран–лидеров по числу убийств — развивающиеся страны.

Даже беглый взгляд на “географическую картину убийств”¹⁵ (см. рис. 2) позволяет судить о крайне неоднородной внутрирегиональной структуре распространения данного девиантного явления. В данном случае, можно говорить о формировании особых страновых ареалов (зон), характеризующихся повышенными или пониженными фоном насильственной смертности, границы которых в ряде случаев не совпадают с принятой градацией стран по регионам мира.

Влияние экономических факторов на уровень тяжелых преступлений (убийств). Отличительной особенностью всей системы общественных

девиаций (включая преднамеренные убийства) является высочайшая степень ее зависимости от среды, т.е. комплекса социальных, экономических, культурных, политических и других условий. При этом, девиантологами и криминологами признается значительная сложность (вплоть до полной бесплодности) попыток ответить на вопрос о причинах существования и функционирования в обществе девиантных явлений. Девиации не могут и не должны рассматриваться как самостоятельные (изолированные) общественные феномены, так как они сами являются частью социального целого, его порождением, вплетенным в систему общественных отношений социума, и переплетенным с иными социальными явлениями и процессами [3]. Потому разделение компонентов замкнутой системы *факторы (причины) → результат (последствия) → факторы (причины)* в большинстве случаев заведомо обречено на неудачу. В сложившейся ситуации, наиболее перспективным представляется выявление “ведущего звена” в девиантогенном комплексе, т.е. того фактора (условия), действие которого могло бы считаться превалирующим для объяснения состояния и динамики того или иного вида девиантности.

¹⁵ Картограмма построена на основе данных о числе совершенных преднамеренных убийств на 100 тыс. человек в 2010–2012 гг.

Таким образом, признавая безусловность влияния разнообразных факторов — социальных (в том числе этноконфессиональных, демографических, миграционных), культурных, политических и др. — на уровень убийств, в данной статье в качестве конкретного исследования предлагается оценить степень воздействия экономического фактора как наиболее вещественного, материально выраженного. Выбор именно экономической составляющей из девиантообразующего комплекса обуславливается также и довольно широким распространением представления о высокой степени “включенности” в систему тяжких преступлений наименее экономически развитых стран. Другими словами, обозначается *обратная зависимость между уровнем тяжких преступлений и богатством страны*.

Поверхностный взгляд на “географическую картину убийств” (см. рис. 2) и соотношение ее с уровнем экономического богатства соответствующих макрорегионов и стран мира, действительно, скорее подтверждает данное высказывание. Однако еще в XIX в. один из основоположников социологии преступности французский социолог Ж.-Г. Тард обратил внимание на то, что повышение благосостояния и уровня жизни не влечет за собой сокращения преступности, способствуя распространению преступлений среди “людей богатых и признаваемых честными” (так называемой беловоротничковой преступности).

Разработка эконометрических моделей преступности породила целый ряд исследований¹⁶, рассматривающих влияние экономических компонентов (главным образом, уровня доходов и имущественного неравенства) на уровень совершенных тяжких преступлений (убийств) в различных странах мира.

Полученные эмпирическим путем результаты носят противоречивый характер. В ряде случаев указывается, что высокий доход (значимо или незначимо) и неравенство в доходах ведут к высокому уровню тяжкой преступности (в том числе убийств). На этом основании выдвигается гипотеза криминогенности экономического развития. Однако анализ временных рядов при этом свидетельствует о сокращении уровня убийств с ростом доходов населения [10]. В целом выводы большинства эконометрических работ

свидетельствуют об отсутствии значимой корреляции между уровнем экономического развития, благосостояния населения и уровнем “тяжелой” преступности. При этом эмпирическими исследованиями также подтверждается факт, что имущественное расслоение населения порождает насилие [1].

Отличительной особенностью подавляющего большинства проведенных исследований является использование официальной криминальной статистики. Использование данных о числе и уровне убийств, предоставленных УНП ООН в докладе “Глобальное исследование по проблемам убийств”, позволяет снизить погрешности, связанные с разными подходами учета преступлений и временными “лагами”, и проанализировать соотношение этих показателей с объемом и уровнем богатства стран.

Корреляционный анализ как инструмент для оценки наличия/отсутствия соответствий между рассматриваемыми массивами данных позволяет, с одной стороны, выявить направление связи (знак коэффициента корреляции), с другой стороны, оценить степень ее интенсивности (модуль коэффициента корреляции). Для этих целей в качестве экономических показателей использовались: общий объем ВВП, общий объем ВВП по паритету покупательской способности (ППС), ВВП на душу населения, ВВП на душу населения по ППС¹⁷. В качестве показателя неравенства доходов рассматривались коэффициент Джини и индекс Аткинсона¹⁸. По итогам проведенного корреляционного анализа¹⁹ были получены следующие значимые результаты:

1. Общее число убийств положительно коррелирует с общим объемом ВВП (коэффициент корреляции в период 2008–2012 гг. варьирует в пределах [0.27–0.33]) и ВВП по ППС (соответственно [0.37–0.43]). На основании этих данных, увеличение экономической мощи, в некоторой степени, действительно, может считаться фактором увеличения уровня крайнего насилия, подтверждая, таким образом, гипотезу криминогенности экономического развития. Однако, если обратиться

¹⁷ На основе статистических данных из источников [16, 17, 20–22].

¹⁸ Индекс Аткинсона — показатель измерения социального неравенства, основанный на функции полезности. Варьирует от 0 (абсолютное равенство) до 1 (абсолютное неравенство).

¹⁹ Поскольку корреляционный анализ в отношении девиаций в подавляющем большинстве случаев демонстрирует показатели в границах [–0.1] — [+0.1], то коэффициенты [+/-0.3] следует рассматривать как умеренно значимые, [+/-0.5] — значимые.

¹⁶ Например, в классических работах Г. Беккера, а также А. Полински, Д. Хейнеке, С. Шавела, И. Эрлича и др. Близкой тематике посвящены работы отечественных экономистов, юристов, криминологов Ю.В. Андриенко, Я.И. Гилинского, В.Н. Кудрявцева, В.В. Лунеева, С.Г. Олькова и др.

Таблица. Страны с наибольшим числом и уровнем умышленных убийств (2012 г.)

№	Страна	Общее число убийств	№	Страна	Число убийств на 100 тыс. жителей	Индекс локализации убийств (ИЛУ)
1.	Бразилия*	50108	1.	Гондурас	90.4	13.5
2.	Индия	43355	2.	Венесуэла	53.7	7.5
3.	Нигерия	33817	3.	Белиз	44.7	6.4
4.	Мексика	26037	4.	Сальвадор	41.2	9.0
5.	ДР Конго**	18586	5.	Гватемала	39.9	6.2
6.	ЮАР	16259	6.	Ямайка	39.3	6.8
7.	Венесуэла	16072	7.	Свазиленд	33.8	5.2
8.	США	14827	8.	ЮАР	31.0	4.7
9.	Колумбия	14670	9.	Колумбия	30.8	4.6
10.	Пакистан	13846	10.	ДР Конго	28.3	4.4

Составлено автором по [17].

Источник: [4].

Примечания:

*Подчеркнуты страны, входящие в “десятку” стран с самой высокой численностью населения.

**Выделены страны, вошедшие в число “лидеров” одновременно по 2-м показателям.

к сути самого показателя ВВП, то можно сделать вывод о его тесной связи не только и не столько с реальным богатством страны, сколько с *масштабом ее экономики*, и, опосредованно, с численностью населения (например, в случае с Нигерией, Индонезией, Пакистаном и др.). А большее общее число убийств закономерно совершается в странах с большей численностью населения (таблица).

2. При этом, обратно пропорциональную зависимость демонстрирует соотношение уровня душевого ВВП и душевого ВВП по ППС с уровнем убийств на 100 тыс. жителей²⁰: коэффициент корреляции колеблется в диапазоне $[-0.29 - (-0.28)]$ и $[-0.31 - (-0.29)]$, соответственно. Другими словами, на основании анализа относительных показателей повышение душевых доходов может рассматриваться, скорее, как фактор, способствующий снижению уровня убийств.

3. Наиболее статистически значимые результаты были достигнуты при анализе уровня убийств и показателей социального неравенства (неравенства в доходах). Коэффициент корреляции числа убийств на 100 тыс. человек и коэффициента Джини составляет $[0.5 - 0.58]$, в случае использования расчетов Всемирного банка, и $[0.46 - 0.52]$, по расчетам ЦРУ. Высокая положительная корреляция между индексом Аткинсона и уровнем убийств $[0.48 - 0.56]$ также подтверждает выводы

о том, что значительные диспропорции в уровне доходов населения определяют высокий уровень насилия в его самой тяжелой форме.

Таким образом, подтверждается гипотеза о влиянии экономических факторов на интенсивность совершаемых убийств в различных странах мира. Однако связь между экономическими показателями и уровнем (объемом) убийств носит нелинейный характер. Значительно более статистически связаны уровень предумышленных убийств и степень имущественного расслоения общества.

Заключение. В современном мире перед общественными (и в том числе социально-географическими) науками остро стоит проблема осмысления социальных реалий. С этих позиций общественные девиации являются важным индикатором, “лакмусовой бумажкой” происходящих социальных процессов. А применительно к конкретной территории (мир, регион, страна, район), специфика девиантности, интенсивность отдельных девиантных явлений, безусловно, являются важными страноведческими характеристиками. Изучение территориальных особенностей распространения социальных девиаций, их взаимосвязей с социально-экономическими, политическими, культурными условиями развития общества относятся к задачам такого направления общественной географии, как география общественных девиаций (геодевиантологии).

²⁰ При расчете из списка стран были исключены страны с численностью населения менее 150 тыс. человек.

География общественных девиаций находится на стадии своего становления. Как замечено еще Ф. Бэконом, нельзя ожидать, чтобы кто-нибудь сразу и сеял, и жал, а надо позаботиться, чтобы плоды постепенно созрели. Большинство направлений географии девиаций (география суицида, география аддикций) находятся на этапе “посева”, и предстоит еще долгий путь до получения значимых научных плодов. При этом наибольшие результаты как в России, так и за рубежом, достигнуты в области географии преступности (геокриминологии), особенно в изучении наименее латентных видов преступлений — убийств. Картирование статистических данных уровня умышленных убийств, отвечающих требованиям межстрановой сопоставимости, позволяет получить представление о “географической картине” мира в отношении уровня убийств и оценить положение на ней отдельных макрорегионов и стран. Показательна мозаичная территориальная структура распространения убийств в мире на глобальном уровне. Анализ влияния экономических условий в целом подтвердил существующую концепцию об отсутствии простых линейных связей уровня убийств с экономическими факторами. При этом функционально более значимо не наличие богатства как такового, а то, как (насколько равномерно или неравномерно) материальные блага распределены внутри общества, насколько велика пропасть между “имущими” и теми, кто таковыми не является.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Андриенко Ю.В. Экономика преступления: теоретическое и эмпирическое исследование определяющих факторов преступности: дисс. ... канд. экон. наук: 08.00.13. М.: Центр экономических и финансовых исследований и разработок, 2003. 133 с.
2. Бадов А.Д. География преступности России в постсоветский период: дисс. ... д. геогр. наук: 25.00.24. Владикавказ, 2009. 496 с.
3. Гилинский Я.И. Девиантология: социология преступности, наркотизма, проституции, самоубийств и других “отклонений”. СПб.: Изд. Юридический центр Пресс, 2004. 520 с.
4. Демидова Е.Е. География социальных девиаций: постановка проблемы, примеры региональных исследований // Региональные исследования. 2015. № 3. С. 12–18.
5. Демидова Е.Е. Изучение особенностей распространения социальных девиаций: опыт зарубежных и отечественных геокриминологических исследований / Социально-экономическая география: история, теория, методы, практика: Матер. Всеросс. конф. (Смоленск, октябрь 2016) / Отв. ред. А.П. Катровский. Смоленск: Универсум, 2016. С. 146–154.
6. Дюркгейм Э. Самоубийство: социологический этюд. М.: Мысль, 1994. 399 с.
7. Криминология. Уч. для вузов / Ред. А.И. Долгова. М.: Норма, 2005. 912 с.
8. Кулагин А.В. Территориальная дифференциация преступности в субъекте Российской Федерации на примере Самарской области: дисс. ... канд. геогр. наук: 25.00.24. Самара: Воронежский гос. ун-т, 2009. 202 с.
9. Лунеев В.В. Преступность XX века: мировой криминологический анализ. М.: Норма, 1997. 525 с.
10. Ольков С.Г. Влияние степени неравенства в распределении доходов народонаселения на уровень умышленных убийств // Актуальные проблемы экономики и права. 2011. № 1. С. 240–253.
11. Ростов К.Т. Социально-географический подход к исследованию криминальной ситуации в регионе // Изв. РГО. 1993. Т. 125. Вып. 4. С. 67–74.
12. Философский словарь / Ред. М.М. Розенталя. М.: Политиздат, 1975. 496 с.
13. Шоткинов С.А. География преступности: к вопросу о понятии, предмете, методе // Сибирский Юридический Вестн. 2001. № 4. С. 95–100.
14. Dictionary of Human Geography / D. Gregory, R. Johnston, G. Pratt, M. Watts, S. Whatmore et (Ed.). Chichester: Blackwell Publishing, 2009. 1052 p.
15. Eckberg D.L. Estimates of Early 20th Century U.S. Homicide Rates: an Econometric Forecasting Approach // Demography. 1995. V. 32. № 1. P. 1–16.
16. Global Study on Homicide 2011: Trends, Contexts, Data. United Nations Office on Drugs and Crime. Vienna. 2011. 130 p. URL: <http://www.unodc.org/unodc/en/data-and-analysis/statistics/crime/global-study-on-homicide-2011.html> (Дата обращения: 15.12.2014).
17. Global Study on Homicide 2013: Trends, Contexts, Data. United Nations Office on Drugs and Crime. Vienna. 2013. 166 p. URL: <https://www.unodc.org/gsh/> (Дата обращения: 15.12.2014).
18. Roth R. American Homicide Supplemental Volume. European Homicides. 2009. URL: <http://cjrc.osu.edu/.../AHSV-European-Homicides.pdf> (Дата обращения: 02.12.2015).
19. Shipley M. Effects of Immigration on Homicide in American Cities // Popular Science Monthly. Volume 69. August 1906. URL: http://en.wikisource.org/wiki/Popular_Science_Monthly/Volume_69/August_1906/Effects_of_Immigration_on_Homicide_in_American_Cities (Дата обращения: 15.11.2016).
20. World Development Indicators 2010–2014. URL: <http://data.worldbank.org/data-catalog/world-development-indicators> (Дата обращения: 04.10.2016).
21. World Development Report 2010–2014. URL: <http://www.worldbank.org/en/publication/wdr/wdr-archive> (Дата обращения: 25.10.2016).

22. World Factbook 2010–2014 <https://www.cia.gov/library/publications/download> (Дата обращения: 01.11.2016).
23. World report on violence and health. Geneva: World Health Organization. 2002 (Дата обращения: 15.09.2014).
24. Yarwood R. Geography of Crime / Oxford Bibliographies <http://www.oxfordbibliographies.com/view/document/obo-9780199874002/obo-9780199874002-0122.xml#obo-9780199874002-0122-bibItem-0003> (Дата обращения: 02.09.2016).
11. Rostov K.T. Sociogeographical approach to the regional crime research. *Izv. RGO*, 1993, vol. 125, no. 4, pp. 67–74. (In Russ.).
12. *Filosofskii slovar'* [Dictionary of Philosophy]. Rosental M., Ed. Moscow: Poltizdat Publ., 1975. 496 p.
13. Shotkinov S.A. Geography of crime: the questions of theory and Siberia regional problems. *Sib. Yuridicheskii Vestn.*, 2001, no. 4, pp. 95–100. (In Russ.).
14. Dictionary of Human Geography. Gregory D., Johnston R., Pratt G., Watts M., Whatmoreet S., Eds. Chichester: Blackwell Publ., 2009. 1052 p.
15. Eckberg D.L. Estimates of Early 20th Century U.S. Homicide Rates: an Econometric Forecasting Approach. *Demography*, 1995, vol. 32, no.1, pp. 1–16.
16. Global Study on Homicide 2011: Trends, Contexts, Data. United Nations Office on Drugs and Crime. Vienna, 2011. 130 p. Available at: <http://www.unodc.org/unodc/en/data-and-analysis/statistics/crime/global-study-on-homicide-2011.html> (accessed 15.12.2014).
17. Global Study on Homicide 2013: Trends, Contexts, Data. United Nations Office on Drugs and Crime. Vienna, 2013. 166 p. Available at: <https://www.unodc.org/gsh/> (accessed 15.12.2014).
18. Roth R. American Homicide Supplemental Volume. European Homicides. 2009. Available at: from <http://cjrc.osu.edu/.../AHSV-European-Homicides.pdf> (accessed 02.12.2015).
19. Shipley M. Effects of Immigration on Homicide in American Cities. *Popular Science Monthly*, vol. 69. Available at: http://en.wikisource.org/wiki/Popular_Science_Monthly/Volume_69/August_1906/Effects_of_Immigration_on_Homicide_in_American_Cities (accessed 15.11.2015).
20. World Development Indicators 2010–2014. The World Bank. Available at: <http://data.worldbank.org/data-catalog/world-development-indicators/> (accessed 04.10.2016).
21. World Development Report 2010–2014. Available at: <http://www.worldbank.org/en/publication/wdr/wdr-archive> (accessed 04.10.2016).
22. World Factbook 2010–2014/ Available at: <https://www.cia.gov/library/publications/download> (accessed 01.11.2016).
23. World Report on Violence and Health. Geneva, World Health Organization, 2002. 54 p. Available at: http://www.who.int/violence_injury_prevention/violence/world_report/en (accessed 15.09.2014).
24. Yarwood R. *Geography of Crime. Oxford Bibliographies*. Available at: <http://www.oxfordbibliographies.com/view/document/obo-9780199874002/obo-9780199874002-0122.xml#obo-9780199874002-0122-bibItem-0003> (accessed 02.09.2016).
1. Andrienko Yu.V. Economy of crime: Theoretical and empirical study of crime factors. Dissertation of Cand. Sci. (Econ.). Moscow: Centre for Economic and Financial Research. 2003. 133 p. (In Russ.).
2. Badov A.D. Geography of crime in post–Soviet Russia. Dissertation of Doct. Sci. (Geogr.). Vladikavkaz, 2009. 496 p. (In Russ.).
3. Gilinskiy Ya.I. *Deviantologiya: sociologiya prestupnosti, narkotizma, prostitutsii, samoubiistv i drugikh "otklonenii"* [Deviantology: sociology of crime, narcotism, prostitution, suicide and other deviances]. St.-Peterburg: Press Juridical Center Publ., 2001. 502 p.
4. Demidova E.E. Social deviance geography: problem definition, selected regional researches. *Regional'nye issledovaniya*, 2015, no. 3, pp.12–18. (In Russ.).
5. Demidova E.E. Spatial distribution studies of social deviance: Russian and foreign research experience. In Social and Economic Geography [Social'no-ekonomicheskaya geografiya: istoriya, teoriya, metody, praktika: Mater. Vseross. konf.] (Smolensk, 2016). A.P. Katrovskiy, Ed. Smolensk: Universum Publ., 2016, pp. 146–154. (In Russ.).
6. Durkheim E. *Samoubiistvo: sotsiologicheskii etyud* [Suicide: a Study in Sociology]. Moscow: Mysl' Publ., 1994. 399 p.
7. *Kriminologiya*. [Criminology]. A.I. Dolgova, Ed. Moscow: Norma Publ., 2005. 912 p.
8. Kulagin A.B. Crime Spatial Differentiation in a Federal Subject (Case Study of Samara Oblast). Extended Abstract of Cand. Sci. (Geogr.) Dissertation. Samara: Voronezh State Univ. 2009. 202 p. (In Russ.).
9. Luneev V.V. *Prestupnost' XX veka: mirovoi kriminologicheskii analiz* [Crime of XX century: World criminological analysis]. Moscow: Norma Publ., 1997. 525 p.
10. Olkov S.G. Influence of income inequality of society to the homicide patterns. *Aktual'nye problemy ekonomiki i prava*, 2011, no. 1, pp. 240–253. (In Russ.).

REFERENCES